

Язык современной русской публицистики и общие тенденции развития языка

В последние годы в области лингвистической русистики появилось большое количество работ, посвященных языку средств массовой информации и общим проблемам современной публицистики. Повышенный интерес к этой проблематике вполне понятен. СМИ – это та языковая среда, в которой в наиболее полном объеме представлен литературный язык и его нормы, в них находят отражение процессы, связанные с изменением общества, влияющие на языковую норму и через нее на структуру языка в целом. Этот общеизвестный факт в русской среде подчеркивается еще и тем, что письменная форма речи активно влияет на устную, поскольку для большинства людей статусом нормы обладает только то, что написано. Поэтому неудивительно, что большинство исследований, в которых делается попытка определить основные тенденции развития современного русского языка, базируется в основном на анализе языка СМИ, причем внимание сосредоточивается прежде всего на семантическом, словообразовательном и стилистическом анализе лексики как наиболее изменчивого уровня языковой системы.

Опираясь главным образом на синтезирующие работы А. Д. Дуличенко и Л. Ферм¹ и учитывая результаты ряда частных исследований в этой области, в том числе и собственные наблюдения, мы хотели бы попытаться определить характер процессов, происходящих в языке современной русской печати и тем самым в русском языке вообще, и указать отдельные конкретные сдвиги в области словообразования и словоупотребления как результат более общих взаимосвязанных тенденций развития языковой системы с одной, и изменений речевого поведения с другой стороны.

Если напомнить общеприняемый тезис о том, что развитие любого языка является результатом взаимодействия внеязыковых и внутриязыковых факторов, то почти во всех исследованиях по языку русской публицистики последнего десятилетия по известным причинам делается ударение на решающей роли социальных, политических и экономических преобразований в существенных сдвигах речевого поведения и структуры русского языка в целом. Надо, однако, иметь в виду, что общественные изменения не всегда вызывают новые явления в языке, а чаще только ускоряют и интенсифицируют заложенные в самой системе языка тенденции и процессы, носящие характер не каких-то скачкообразных, а в основном эволюционных изменений, отмечаемых лингвистами также в прошлом. В связи с тем надо, по нашему мнению, сдержанно относиться также к часто встречающимся сетованиям на «порчу» и «разрушение» русского языка, основывающимся в основном на критике «засорения» языка вульгаризмами и ненужными заимствованиями. В этом отношении мы присоединяемся к мнению проф. Колесова, который в статье *Русская ментальность и развитие русского языка* пишет: «Развитие языка определяется противоречиями, возникающими между его системой, нормой как осознанной системностью и стилем как систематичностью в использовании языка. Развитие языка отражается в образцовых текстах, и если такие тексты не продуцируются данной эпохой, возникает предположение, что «язык разрушается», «язык портится». Это ошибочное, иллюзорное видение языка в его исторической перспективе смущает многие умы и вызывает раздражение пуристов, однако с точки зрения истории в этом временном нарушении нормы нет ничего страшного. Язык продолжает развиваться, но стили его нарушаются, поскольку разрушаются многие привычные каноны его употребления: ведь *функция есть содержание стилевых норм*, а распадение функциональных стилей создает впечатление порчи самого языка».² Другими словами, то, что в области речевого поведения носителей языка в данный момент его развития бросается в глаза как новое явление, в

¹ Дуличенко, А. Д.: *Русский язык конца XX столетия*. Slavistische Beiträge, Band 317, Verlag Otto Sagner, München 1994.

Ферм, Л.: *Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет)*. Studia Slavica Upsaliensia 33, Uppsala 1994.

² См.: Колесов, В. В.: *Русская ментальность и развитие русского языка*. Russistik 1/2, 1995, с. 21–22.

области языка может только ускорить или притормозить заложенные в самой языковой системе динамические тенденции, но вряд ли может существенным образом повлиять на изменение языковой системы в целом.

Итак, анализируя особенности словоупотребления и вообще языка современной русской публицистики, приходим к заключению, что в нем продолжают действовать три основные биполярные тенденции, отмеченные уже в половине 80-х годов: это тенденции к 1. динамике и устойчивости, 2. стандарту и экспрессии, 3. экономии и избыточности.³ Эти общие тенденции включают в себя ряд взаимосвязанных и перекрещивающихся по вертикали и горизонтали процессов, реализующихся в рамках особых отношений, которые можно условно назвать корреляциями. По своей природе противоположные процессы образуют пары, полярность которых нейтрализуется в конечном счете в соответствующем акте коммуникации.⁴ В зависимости от воздействия внеязыковых факторов потом в разные периоды развития языка меняется только взаимное отношение связанных таким образом процессов, сказывающееся в большей или, наоборот, меньшей степени продуктивности данных языковых явлений.

Какие конкретные процессы, реализующиеся в рамках приведенных выше общих долговременных тенденций и отражающие взаимосвязь социального и системного, наблюдаются в языке современной русской публицистики?

1. В аспекте **динамики** языковой системы наиболее заметным оказывается процесс, обозначаемый проф. Дуличенко как «смена лексических парадигм»⁵ и реализующийся в рамках корреляции **а к т у а л и з а ц и я** (центризация) – **п а с с и в и з а ц и я** (периферизация), затрагивая при этом целые слои лексики. Под лексической парадигмой подразумевается совокупность лексем (лексическое поле), предназначенных для обозначения предметов, отношений, свойств и т. д. какой-либо одной социальной сферы. В случае, что такие поля рассматриваются в диахронном плане, факт обнаружения их сменяемости в связи с социальными изменениями дает основание называть их парадигмами.

Актуализация и пассивизация лексем проявляется в языке всегда, характерным для рассматриваемого периода является именно то, что происходит актуализация целых пластов лексики. Слова и словосочетания, связанные с новым общественным строем и рыночной экономикой, входят в активный словарь носителей языка, а слова и словосочетания, которые связаны с «социалистическим выбором», уходят в пассив. Актуализация и пассивизация лексики – явления неодинаковой интенсивности и объема. Актуализация в новейший период происходит намного быстрее и затрагивает намного более обширные слои лексики, чем пассивизация, которая наблюдается сейчас в основном в общественно-политической, идеологической и той части экономической лексики, которая характеризовала социалистическую экономику. В жизнь, наоборот, входят многие из забытых слов и целых слоев лексики.⁶ Сюда относятся, напр., морально-этическая и духовная лексика, экономическая и политическая терминология, административно-территориальная лексика и выражения речевого этикета.

Процесс актуализации и пассивизации происходит не только на количественном уровне «возвращения забытого» и «забывания ненужного», но он напрямую связан со смысловыми сдвигами, проявляющимися изменениями идеологических коннотаций или переосмыслением номинации. Изменение идеологических коннотаций идет по двум основным направлениям: 1. слова и словосочетания с отрицательной оценочностью становятся нейтральными (*верующий, капитализм, коммерсант, конкуренция, миллионер, частник*), 2. слова с положительной оценочностью получают

³ См.: Протченко, И. Ф., Черемисина, И. В.: *Лексикология и стилистика в преподавании русского языка как иностранного (динамика, экспрессия, экономия)*. Москва, 1986, с. 5.

⁴ См.: Горалик, Л.: *Некоторые процессы в новейшей русской лексике*, *Československá rusistika*, XXXIV, 1989, 3, с. 145.

⁵ См.: Дуличенко, А. Д.: указ. соч., с. 97.

⁶ См.: Ферм, Л.: *Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет)*. *Studia Slavica Upsaliensia* 33, Uppsala 1994, с. 33–38.

пренебрежительно-отрицательную или ироничную оценку (*большевик, коммунист, октябрь, плановый, социализм, советские люди, соцреализм*). Под переориентацией номинации мы, вместе с Л. Ферм,⁷ понимаем изменение в употреблении слов, при котором слова, обозначавшие раньше зарубежную или дореволюционную действительность, начинают употребляться для номинации российской действительности (*акционер, биржевик, концерн, свободные цены, приватизация, инфляция, монополия*). Оба процесса тесно взаимосвязаны, так как при перенесении западных и дореволюционных понятий на современную русскую почву изменялась одновременно оценочность многих из них.

2. Что касается второй пары взаимосвязанных тенденций к **стандарту и экспрессии**, то в современной публицистике заметен сдвиг в сторону экспрессивизации речи, которая связана со «снятием языковых табу»⁸. В газетах новейшего периода четко выделяются два основных направления в употреблении лексики: это лавинообразное употребление с н и ж е н н о й лексики – от пейоративной до грубой, представленной просторечными словами, жаргонизмами и вульгаризмами, и еще более широкомасштабное употребление з а и м с т в о в а н н о й и и н о - я з ы ч н о й лексики. Эти тенденции на первый взгляд противоположны: употребление иностранных слов всегда считалось признаком книжности, начитанности, а употребление сниженной лексики характерно как для устной разговорной речи, так и для речи малообразованной. И все же лексика таких непохожих на вид групп существует сейчас не только в одной и той же статье, но даже в одном и том же предложении. Смещение стилей, как уже было отмечено выше, стало не исключением, а, скорее, правилом. В случае иноязычных слов дело осложняется еще и тем, что заимствованные слова, замещающие первоначально слова высокого стиля, в сегодняшней речевой практике, прежде всего в жаргоне молодежи, превращаются в свою стилевую противоположность, так что появление иноязычного слова в тексте вовсе уже не является однозначным сигналом книжного стиля, а часто скорее наоборот – знаком некультурного речевого поведения.

Что касается употребления **стилистически сниженной (субстандартной) лексики**, то в языке газеты это опять феномен не новый, но он меняется качественно, в сторону большей вульгаризации. Объясняется это тем, что в последнем десятилетии потребность в экспрессивных средствах особенно велика, что и проявляется в невероятном количестве сниженных элементов на страницах газет. Это явление имеет свою социальную базу и может рассматриваться как реакция на долгие периоды государственного давления и цензуры. Фактически этому способствует то обстоятельство, что в настоящий период разгосударствления ослабевает сама нормотворческая функция государства: отменяется газетная цензура, становится менее строгой редакторская правка. Особенно большое место среди сниженной лексики занимает лексика с отрицательной эмоционально-экспрессивной окраской. Это, конечно, неудивительно. Перестроечные процессы в бывшем СССР, пусть даже половинчатые, привели все-таки к гласности, открытости и свободе слова де-факто. У журналистов появилась возможность наконец-то стать журналистами в прямом смысле этого слова и высказывать свое личное мнение по поводу различных фактов в жизни страны и за рубежом. Для создания специальных эмоционально-оценочных эффектов, которые требуются в определенном контексте, следовательно, привлекаются сниженные слои лексики, чем и достигается требуемый эффект: осуждение, неодобрение, ирония, презрение и т. п.

Экспрессивизация речи проявляется также в области **словотворчества**, во-первых, в появлении ряда новых стилистически сниженных слов, образованных, напр., при помощи суффиксов *-ка, -ловка, -уха* (*запрещёнка, растащилровка, развлекаловка, веселуха, развлекуха, порнуха, чернуха*), во-вторых, в массовом употреблении разного рода авторских новообразований, т. наз. окказионализмов, индивидуальных слов или

⁷ См. там же, с. 28.

⁸ См.: Дуличенко, А. Д.: указ. соч., с. 145.

же неологизмов контекста. Такие слова, за редким исключением, не осваиваются языком, не входят в словарный состав, а живут только в каком-то определенном тексте, придуманы каким-то автором для специальных целей. Главная функция таких слов не номинативная, а экспрессивно-образительная и экспрессивно-оценочная (*прихватизация, дерьмократы, винопийство, подшефейный, дачелюбие, словообильный, третьемиризация, рубленок, тепломои* и т. д.). К появлению множества окказионализмов, образованных в основном по аналогии с существующими в языке словами, привел отказ журналистов от бывших языковых штампов, либерализация газетной речи и стремление к более легкому разговорному стилю в публицистике.

Намеренно здесь не останавливаемся на анализе новой иноязычной лексики, так как это массовое явление требует особого рассмотрения и было описано уже во многих работах. Ограничимся только констатированием, что причины употребления иноязычной лексики полностью объяснимы всеми указанными выше общими тенденциями развития современного русского языка. Однако главной внеязыковой причиной массивного употребления заимствований и иноязычной лексики следует считать общую ориентацию бывшего советского общества на Запад, что в первую очередь отразилось в СМИ.

Одновременно с процессом экспрессивизации можно наблюдать менее заметный обратный процесс **стандартизации**, проявляющийся главным образом в изменениях адъективно-субстантивной валентности и в постепенном закреплении в языке новых сочетаний слов, отражающих политические, экономические и социальные изменения в жизни общества. На смену застандартизованным в годы советской власти идеологемам, характерным для т. наз. «дубового языка» (*развитой социализм, социалистическая Родина, трудовые коллективы, братские народы* и т. д.) приходят раньше немислимые, табуизированные адъективно-субстантивные сочетания, называющие новые явления во всех областях жизни русского общества и быстро закрепляющиеся в языке (*частная собственность, рыночная экономика, акционерное общество, парламентские выборы, правовое государство, народный референдум* и др.). Таким образом происходит на синтагматическом уровне новая стандартизация языка, обеспечивающая его равновесие и выполнение им номинативной и коммуникативной функций.

3. Последняя общая двусторонняя тенденция к **экономии** и **избыточности** проявляется в языке современной публицистики, с одной стороны, в упрощении структуры наименований в основном за счет универбации, с другой стороны, в растущем абсолютном количестве номинативных единиц и в усложнении смысловой структуры лексем при семантическом образовании слов. Все эти процессы связаны с «взрывом лексико-семантических и словообразовательных потенциалов русского языка»⁹, вызванным упоминаемыми уже социальными потрясениями, начавшимися в половине 80-х годов. Показателем названного «взрыва» является активизация основных морфологических способов словообразования, к которым добавляются разного рода семантические словообразовательные процессы.

Долговременная тенденция к языковой экономии в языке СМИ наиболее заметно проявляется в активизации процессов у н и в е р б а ц и и , наблюдающихся при различных способах словообразования с тем же конечным результатом: заменой аналитической номинативной конструкции цельноформленной лексической единицей (*кредитка* < кредитная карточка, *компакт* < компактный диск, *инофирма* < иностранная фирма). Существует несколько видов универбации: а) суффиксальная, в которой активно участвует в основном суффикс *-к(а)*, реже *-ух(а)*, *-ик*, *-щин(а)* и др. (*валютка* < валютный магазин, *бытовуха* < бытовое убийство, *рыночник* < сторонник рыночной экономики, *чрезвычайщина* < чрезвычайная ситуация), б) композиционная, т. е. сложносокращенные слова различной степени редукции (*депкорпус* < депутатский корпус, *компромат* < компрометирующий материал, *спецназ* < войска специального назначения, *автозак* < автомобиль заключения). В новейший

⁹ См.: Дуличенко, А. Д.: указ. соч., с. 267.

период высокую активность в образовании универбатов проявляют аналитические смысловые единицы с определенными компонентами. Особенно выделяются универбаты с усеченным определителем от слов *государственный, демократический, иностранный, наркотический* (*госадминистрация, демпечатать, инофирма, наркоделец*). Не снижается также активность таких первых компонентов сложносокращенных слов как *теле-* или *видео-* (*телепомои, телепроповедь, видеопират, видеорынок*).

Проявлением тенденции к языковой экономии надо считать также появление семантических неологизмов, т. е. такой способ номинации, когда какой-то семантический компонент уже существующего слова «подходит» по своим признакам для номинации нового предмета или явления, и за словом постепенно закрепляется либо расширительное, либо метафорическое значение (*челнок* – ‘начинающий бизнесмен’, *абориген* – ‘местный житель’, *тиражировать* – ‘воспроизводить’, *крутой* – ‘переходящий границу нормы’, *обвал* – ‘кризисное состояние’). Обращает на себя внимание то, что многие из новых значений таких слов несут в себе отрицательный оценочный заряд, в основном иронию и неодобрение по отношению к предмету сообщения.

Вполне понятно, что все приведенные процессы протекают не изолированно, а они дополняют и даже обуславливают друг друга, будучи взаимосвязаны сложными языковыми и внеязыковыми отношениями. В настоящей главе мы ограничились только наиболее типичными процессами, реализующимися в рамках указанных выше общих тенденций развития русской лексики в новейший период.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что в настоящее время языковеды приходят к выводу, что нет оснований беспокоиться о судьбе русского языка, как системы, а следует просто поднимать речевую культуру. Тревогу должно вызывать не состояние системы языка, а уровень языковых способностей и речевого поведения носителей языка, т. е. массовое косноязычие, производящее на многих впечатление национальной катастрофы.¹⁰

Литература:

- Горалик, Л.: *Некоторые процессы в новейшей русской лексике*, *Československá rusistika*, XXXIV, 1989, 3, с. 144–148.
- Дуличенко, А. Д.: *Русский язык конца XX столетия*. Slavistische Beiträge, Band 317, Verlag Otto Sagner, München 1994.
- Колесов, В. В.: *Русская ментальность и развитие русского языка*. Russistik 1/2, 1995, 21–22.
- Протченко, И. Ф.: Черемисина И. В., *Лексикология и стилистика в преподавании русского языка как иностранного (динамика, экспрессия, экономия)*. Москва, 1986.
- Ферм, Л.: *Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет)*. Studia Slavica Upsaliensia 33, Uppsala 1994.

¹⁰ См.: Ферм, Л.: указ. соч., с. 103.